

Анжелика
Манетти

Слушай - и удивись

Мой дедушка был боинией

Лучшая новая книжка

Анджела Нанетти

Мой дедушка был вишней

«Самокат»

1998

УДК 821.131.1-3-93
ББК 84(4Ита)-4

Нанетти А.

Мой дедушка был вишней / А. Нанетти — «Самокат»,
1998 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-00167-035-3

Старик Оттавиано посадил вишневое дерево, которое стало лучшим другом его внуку. И так появилась на свет история о необычном дедушке, который умел слушать растения и верил, что «человек не умирает, пока вишневые деревья продолжают жить для него». Книга «Мой дедушка был вишней» вошла в список выдающихся книг для детей «Белые вороны», составляемый Международной мюнхенской юношеской библиотекой. Она отмечена премиями в Италии, Германии и Франции, а автор ее, Анджела Нанетти, была номинирована на главную премию в детской литературе – премию Г. Х. Андерсена.

УДК 821.131.1-3-93

ББК 84(4Ита)-4

ISBN 978-5-00167-035-3

© Нанетти А., 1998

© Самокат, 1998

Содержание

Первая глава	5
Бабушка Теодолинда	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анджела Нанетти

Мой дедушка был вишней

Первая глава

Когда мне исполнилось четыре, у меня было два дедушки и две бабушки. Одни жили в деревне, а другие – в городе. Городских дедушку и бабушку звали Луиджи и Антониэтта, и они были такие же, как все городские жители. Деревенских дедушку и бабушку звали Оттавиано и Теодолинда, и они не были похожи ни на кого – даже на своих соседей. Луиджи и Антониэтта жили в нашем доме, и мы виделись как минимум четыре раза в день. Сначала в восемь утра, когда дедушка выгуливал Флоппи:

– Ну-с, юноша, какие планы на сегодня? Идем в сад или нет?

В девять, когда бабушка шла с Флоппи за покупками:

– Ты собрался в садик, мой зяблик?

В два, когда дедушка шел гулять с Флоппи второй раз:

– О, ты уже вернулся из сада! Вот молодчина!

И в пять, когда бабушка шла с Флоппи за покупками или к подругам:

– Что нового в садике, мой зяблик?

Тогда я ходил в старшую группу детского сада. Я ненавидел его всей душой с того самого дня, когда мама однажды вышла на работу и отдала меня в сад. С тех пор каждое утро повторялось одно и то же: я плакал, дедушка стучал в дверь, бабушка выходила из квартиры, и они вместе шли гулять с Флоппи. Глядя на них, мама частенько фыркала: «Собаку они любят больше, чем внука». Эти слова меня так волновали, что я даже переставал плакать. Флоппи была ужасно уродлива – живот, круглый, как мяч, и тонюсенькие лапы. Неужели я еще страшнее?

Деревенские бабушка и дедушка – совсем другие люди. Вместо собаки они держали кур и гусей, с которыми вовсе не надо было гулять по четыре раза в день. И жили они не этажом выше, а в сорока километрах от города. Поэтому виделись мы примерно два раза в месяц.

Иногда мама вздыхала: «Они словно привидения». И я представлял себе, как длиннющий дедушка Оттавиано и толстая-претолстая бабушка Теодолинда, набросив на себя белые простыни, бродят по двору среди кур и гусей.

Бабушка Теодолинда и дедушка Оттавиано – мамыны родители. Как и мама, они всегда были мне ближе других бабушки и дедушки. Мама – их единственная дочка. Бабушка Теодолинда была очень крупной женщиной, но дети у нее получались крохотные. Настолько крохотные, что не могли прожить больше одного дня. К счастью, маме повезло – наверное, в тот раз бабушка действительно постаралась. Она говорит, это чтобы у нее родился такой внук, как я. Когда мама родилась, дедушка устроил большой праздник и даже напился (по крайней мере, так рассказывала бабушка). А потом пошел в сад и посадил там вишню.

Теперь о дедушке. Я думаю, он всегда был не таким, как все, – даже когда меня еще не было на свете. Бабушка рассказывала, что он считался самым красивым мужчиной в деревне и нужно было как следует попотеть, чтобы заполучить его. Но, наверное, она преувеличивала, потому что очень его любила. Я не помню дедушку красавцем: он был высокий и прямой, с развевающимися волосами (теми, что остались) и вечной травинкой в зубах. Дедушка выдергивал травинку двумя пальцами и жевал, приговаривая: «Получше сигары будет».

Итак, когда родилась мама, дедушка пошел в деревню. Вернулся он с парой золотых сережек для бабушки и молодым саженцем – вишней. Дедушка пошел в сад, выкопал яму, залил ее горячим навозом и посадил дерево. Потом взял ножик, накалил лезвие и вырезал на стволе

имя: Феличита. Так зовут мою маму, и дедушка считал, что вишню нужно назвать так же. Но бабушка была против. Это имя не для вишни, говорила она. И тогда дедушка придумал ей имя Феличе. Ведь Феличита означает счастье, а Феличе – счастливый. К тому времени у Феличе было три ветви, а весной, когда маме исполнилось семь месяцев и у нее вылезли четыре зуба, на дереве распустились четыре цветка. Мама и вишня росли вместе и были членами одной семьи. Об этом свидетельствует наш альбом с фотографиями.

На первой странице – семимесячная мама. Знаменитые четыре зуба уже вылезли. Правда, на фотографии их не видно. Мама висит на руках у бабушки, как тряпичная кукла. Глядя на эту фотографию, я всегда думаю о том, что бабушка Теодолинда уж точно победила бы в тяжелом весе. Тогда она была молодая и еще не такая толстая, как в старости, но уже в то время ее руки были в два раза толще, чем у бабушки Антониэтты. И еще у нее была гигантская грудь. Когда она обнимала меня и прижимала к себе, казалось, будто это пуховые подушки. На них я готов был спать всю жизнь.

Это самое прекрасное, что я помню о бабушке. Ну и еще ее запах. Он не имел ничего общего с противными духами бабушки Антониэтты и напоминал запах мамы после ванны. Бабушка говорила, так пахнет мыло, которое она сама делала по тайному рецепту. Он достался ей от колдуньи. Я до сих пор в это верю: бабушка была совершенно необыкновенной женщиной, и мне кажется, с ней могло произойти все что угодно.

На этой первой фотографии бабушка стоит рядом с Феличе: вишня примерно ростом с нее и кажется деревом-ребенком. Дедушка говорил, что к моменту посадки Феличе было три года. На другой фотографии мама сидит на качелях, свисающих с самой толстой ветки. К тому времени у Феличе уже было много ветвей, и дедушка их подстриг – поэтому кажется, будто вишня вся дрожит от холода. Но, когда я высказал свои соображения дедушке, он возразил: «Ничего подобного, растениям это очень полезно – так они становятся крепче». И действи-

тельно, на фотографии с седьмого дня рождения моей мамы Феличе – уже настоящее дерево, на котором мама может сидеть верхом, болтая ногами в воздухе.

Мама сто раз рассказывала мне о своем любимом развлечении: она забиралась на дерево и придумывала там наверху тысячи разных игр. Я всегда слушал с завистью: каждый раз, когда мы приезжали к бабушке и дедушке, времени вечно не хватало, Феличе была слишком высокой, а я – слишком маленьким для того, чтобы залезть на вишню без присмотра. Если дедушка не был занят в огороде или с курами, он сажал меня на шею и с невероятной ловкостью, как обезьяна со своим детенышем, карабкался на вишню. Однажды мама вышла из дома и увидела нас – она закрыла рот рукой, чтобы не закричать, но потом так ничего и не сказала. Мама знала, что с дедушкой спорить бесполезно. Тогда бабушка еще чувствовала себя хорошо. Потом она заболела, и дедушка стал уже не тот, что раньше. Мама всегда повторяла это, когда мы возвращались домой. Она очень громко говорила сама с собой; говорила, что нельзя оставлять их там вдвоем, что дедушка упрямец и что он не может делать все сам... Под конец она начинала ругать других бабушку и дедушку и Флоппи.

Альбом с фотографиями заканчивался маминой свадьбой. Особенно мне нравились две фотографии. На одной – мама и папа под цветущей вишней. Мама сидит на своих качелях, а папа делает вид, что толкает ее. На другой – дедушка Оттавиано и бабушка Теодолинда. Они держатся за руки. Мама рассказывала мне, что дедушка хотел устроить в день свадьбы огромный праздник в саду, но папины родители были против из-за мух и других насекомых. Поэтому они просто сфотографировались и поехали в ресторан. Там дедушке Оттавиано пришлось есть устрицы, которые он терпеть не мог, и на следующий день ему было плохо.

На свадебных фотографиях мама и папа очень красивые, а дедушка Оттавиано и бабушка Теодолинда почти неузнаваемые. На дедушке галстук и темный костюм со дня его собственной свадьбы. А бабушкино платье на этой фотографии сильно топорщится, и поэтому она кажется

еще толще. На груди у бабушки – искусственные цветы. Бабушка смеется, и лицо у нее как у девочки.

Этого альбома больше нет, дедушка его уничтожил, но я помню все фотографии, одну за другой.

Бабушка Теодолinda

Не знаю, когда бабушка Теодолinda начала себя плохо чувствовать, но зато точно помню тот день, когда это заметил. Был май, мне исполнилось пять лет. День рождения мы отмечали дома с дедушкой Луиджи, бабушкой Антониэттой, парой друзей и Флоппи. Осталась фотография, на которой она вместе со всеми ест мороженое. Дедушка Оттавиано говорил, что Флоппи уже не относится к собачьему роду. Но и до людей ей было далеко: как минимум потому, что она не умела говорить. В общем, Флоппи лишь наполовину была собакой, и все это из-за дедушки с бабушкой. Они обращались с ней как с ребенком, причем довольно глупым ребенком.

На фотографии есть все мы – кроме бабушки Теодолinda и дедушки Оттавиано. Обычно они приезжали в город очень редко, но на моем дне рождения бабушка и дедушка бывали всегда. В тот раз они не приехали, потому что бабушке Теодолинде «нездоровилось» – так сказала мама.

В то время я думал, что «нездоровится» – это когда болит живот или кашляешь, со мной такое случалось два или три раза в год. На следующей неделе мы поехали в деревню. Я очень внимательно следил за бабушкой Теодолиндой, но так и не обнаружил в ней признаков этих болезней. Только заметил, что бабушка, когда ходит по двору за гусями и курами, частенько останавливается, прикладывает руку к груди и тяжело дышит.

– Тебе больно? – спросил я у нее.

Она улыбнулась и села в плетеное кресло.

– Немного.

Так я узнал, что у бабушки Теодолinda больное сердце. Но, если бы она не сидела все время в этом кресле, никто бы ни за что не подумал, что ей нехорошо: бабушка совсем не менялась и не изменилась до самого конца.

Главной бабушкиной страстью был курятник. Она заботилась о курах, как о родных детях, знала всех наперечет и звала по имени, хвалила и ругала. А они ходили за ней по пятам и всегда ее слушались. Дедушка говорил, это потому что она сама высиживает яйца.

Однажды он начал обсуждать это за столом при бабушке Антониэтте.

– Наша Линда, – сказал дедушка, – в сто раз лучше инкубатора! Берет два или три десятка яиц, кладет их в постель и высиживает, высиживает... Неделя у нее под боком, и чпок-чпок – вылупляются цыплята. Что за чудо! Инкубатор по сравнению с ней ничто. После этого им не нужна квочка – они выются только вокруг моей Линды!

Бабушка Антониэтта смотрела на него выпучив глаза, а дедушка Луиджи напряженно искал что-то у себя в тарелке. Я уверен, про себя он думал: «Что за люди!» – однажды я слышал, как дедушка это говорит, хотя он считал, что его никто не слышит.

– Папа! – воскликнула мама очень серьезно.

Дедушка выпил и был очень весел. Но еще больше веселилась бабушка Теодолинда, которая, пока дедушка рассказывал, вся сотрясалась от хохота.

В конце концов другие бабушка с дедушкой поняли, что это шутка, и тоже начали смеяться.

Но еще больше, чем кур, бабушка любила гусей. Не знаю почему. Она говорила, гуси куда умнее людей, но я думаю, все из-за того, что они были очень на нее похожи. Бабушкину любимицу звали Альфонсина. Я садился на нее верхом и катался по двору – такая она была большая и толстая. Мне она тоже очень нравилась. Альфонсина бежала нас встречать, как только мы приезжали, и потом ходила за мной повсюду. И я мог сказать ей все что угодно – она меня понимала! Альфонсина – настоящее сокровище, не то что Флоппи. Еще она высиживала огромные яйца, а когда вылуплялись гусята, разрешала мне их трогать – в отличие от других гусынь, которые при малейшем приближении налетали на меня!

Это единственная обительница курятника, с которой бабушка никогда не расставалась. Потому что, несмотря на всю свою любовь к курам и гусям, если нужно было продать какую-нибудь птицу или свернуть ей шею, бабушка не медлила ни секунды.

– Это закон природы, – вздыхала она, и – хрясь! – дело было сделано. Я зачарованно и в то же время с ужасом наблюдал за этой бойней, все больше убеждаясь в том, что в бабушке есть какая-то тайна и она умеет гипнотизировать кур. Действительно, они умирали так быстро и безболезненно, что казалось, будто это фокус. Пятнадцать минут – и куры, пять-десять штук, уже висят вниз головой и смотрят на меня полуоткрытыми глазами – и я никогда не понимал, прикидываются они или по-настоящему умерли. Потом приходил дедушка, клал кур в корзину и ставил ее в грузовичок вместе с овощами и яйцами. Бабушка отряхивала фартук, ополаскивала руки, возвращалась в курятник, сыпала корм и укладывала спать цыплят.

– Цып-цып-цып, иди сюда, красавица, иди-ка сюда... Пи-пи-пи...

Это случалось раз в неделю.

Даже во время болезни бабушка по-прежнему занималась курятником. Она то и дело останавливалась, прикладывала руку к груди или садилась, а потом вновь принималась за работу.

В каждый наш приезд мама ругала ее. Бабушка пожимала плечами и говорила: «Все в порядке. Оставь меня в покое». Мама тогда сердилась еще больше, порой доходило до ссоры, и бабушке становилось по-настоящему плохо.

Однажды дедушка услышал это и вышел из себя. Первый раз я видел его таким сердитым.

– Ты ничего не понимаешь! – закричал он. – Оставь свою мать в покое!

Мама очень обиделась и по дороге домой говорила гораздо громче, чем обычно, и еще больше ругала бабушку, дедушку и Флоппи. Тогда я разозлился на дедушку и, чтобы ее утешить, сказал: «Не волнуйся, мам. Я же тебя люблю». Но, вместо того чтобы обрадоваться, мама расплакалась. Слезы лились в три ручья, и мы чуть не врезались в стену. В общем, из-за всего этого я тоже начал плакать. Тогда мама остановила машину, шмыгнула носом, обняла меня и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.